

Голда Меир

Какой здравомыслящий
человек любит себя?

Я, например, знаю о себе
слишком много, что не
позволяет мне себя любить.

Ирина Звягельская

д.и.н., профессор, главный научный сотрудник
Центра арабских и исламских исследований

Выбор судьбы

Голда Меир — одна из немногих женщин в современной истории, посвятивших всю свою жизнь политической борьбе, и в конечном итоге возглавившая правительство. В Израиле, являющемся парламентской республикой, премьер-министр — главное политическое лицо.

Пример Голды Меир заставляет задуматься над вечной темой: приходится ли политическому деятелю жертвовать семейными и дружескими узами, так называемой нормальной жизнью, ради общественного служения и во имя собственных амбиций, или, возможно, нет никакой жертвы, а есть лишь единственно возможный выбор.

Кажется, для Голды Меир это был осознанный выбор. Авторы многочисленных книг о ней любят подчеркивать, что она с нежностью относилась к детям и внукам, любила и умела готовить. Однако образ Голды Меир в кухонном фартуке не воспринимается как органичный, несмотря на усилия некоторых биографов. Имидж «железной леди» израильской политики навсегда заслонил образ любящей мамы и бабушки. Позже он заслонил и ее романтические связи с выдающимися мужчинами ее времени, занимавшими сильные политические позиции. Ей были очень нужны единомышленники, тем более что ее общественная деятельность нередко воспринималась обывателями как противоречащая женскому предназначению. Вопрос о том, может ли эмансипированная женщина, обладающая несомненными лидерскими качествами, сделать политическую карьеру без помощи мужчин, которым она дарила свою благосклонность и которые ее высоко ценили, в случае с Голдой Меир, да и со многими другими женщинами аналогичного склада, остается открытым.

Голда Меир по своим убеждениям была социалистом и осталась им до конца, хотя ее левые взгляды в последние годы были не вполне созвучны эпохе в целом и израильской действительности в частности. Очевидно, они были порождением жизни ее семьи и накрепко утвердившемся в ней ощущением социальной и личной несправедливости, ранним унижением, которое способна породить

бедность. Одно из первых воспоминаний, тревоживших ее всю жизнь, – воспоминание о каше, которую мать отдала своей младшей дочке: «Я сижу на кухне и плачу, глядя, как моя мать скармливает моей сестре Ципке несколько ложек каши – моей каши, принадлежавшей мне по праву!»¹.

Из жизненных передряг люди выходят по-разному. Одни ломаются, не в силах противостоять вызовам судьбы, а другие становятся премьер-министрами. Последних, естественно, единицы, и Голда Меир является редким примером потрясающей выживаемости.

Голди Мабович родилась в 1898 г. в Пинске в неортодоксальной еврейской семье. В США, куда в 1906 г. переехала ее семья в поисках лучшей жизни, она смогла окончить среднюю школу и год проучиться в колледже, несмотря на возражения матери, предпочитавшей, чтобы дочь проводила больше времени в лавке, которую та открыла, чтобы поддержать семью. Тогда Голди мечтала стать учительницей. Под влиянием старшей сестры Шаны она рано увлеклась идеями социалистического сионизма, стала активистом партии «Поалей Цион», а затем решила отправиться в Палестину. Ее муж Моррис Мейерсон не был убежденным сионистом, и его мало привлекала идея отъезда в чужую и далекую страну. Однако он любил Голди и последовал за ней. В Палестине Голди Мейерсон по примеру многих сионистских деятелей ивритизировала свое имя и фамилию, став Голдой Меир.

Недолго пробыв в Тель-Авиве, Голда Меир в 1921 г. решила вступить в кибуц Мерхавия, один из тех, где, по ее мнению, «выковывались» кадры для строительства еврейского государства. Кибуцы были не только сельскохозяйственными поселениями, но и носителями определенной идеологии, создававшими свой образ жизни. Члены кибуца работали по 8 часов на тех работах, куда их назначала комиссия по распределению работ. Все они поочередно несли дежурства по кухне, в столовой, по охране территории и т.п.

¹ Голда Меир. Моя жизнь. Автобиография, Израиль: Библиотека Алия, 1990, т. 1. – С. 20.

Дети воспитывались вместе и видели родителей только по вечерам. Во многих кибуцах они даже ночевали не дома, а в общих спальнях. В начале кибуцианского движения коммуна формулировала свой собственный, порой доходящий до абсурда стиль общественного поведения. Женщины, не имевшие ни малейшего представления о появившемся позже феминизме, стремились выполнять такую же тяжелую работу, как мужчины, чтобы подчеркнуть полное равенство полов. На еду и одежду обращать внимание считалось постыдным – пионеры должны быть готовыми к любым испытаниям. В этом подходе было немало наивных представлений о коллективизме.

Будучи убежденным членом «Поалей Цион», Голда Меир решила доказать, что способна справиться с любой работой, что она не изнеженная американская девушка, как ей намекали при приеме в кибуц. В своих воспоминаниях она рассказывает об атмосфере, царившей в кибуце в 1920-е гг. «Тогда все наши девушки носили одинаковые платья: в сотканной арабами мешковине прорезались три дырки – одна для головы и две для рук, – получалось платье, которое оставалось только подвязать веревкой. В пятницу кибуцники переодевались: мужчины надевали чистые рубашки, а женщины – юбки и блузки вместо брюк и рабочих платьев. Но я не понимала, почему аккуратность допускалась только раз в неделю. Мне неважно было, что носить по будням, но это должно было быть проглажено. И каждый вечер я тщательно гладила свой «мешок» тяжелым утюгом на углях, зная, что кибуцники не только считают меня сумасшедшей, но и в глубине души подозревают, что я не настоящий пионер»².

Жизнь в кибуце, которую она приняла с энтузиазмом и присущей ей энергией, фактически начала разрушать ее брак. Моррису не нравились ни общая умывальная, ни примитивная одежда, ни доминирование коллектива над личной жизнью и пространством. Ему было скучно присутствовать на бесконечных собраниях и диспутах, на которых его жена, будучи прирожденным оратором, постоянно брала слово.

² Меир Г. Моя жизнь, т. 1. – С. 103.

В конечном итоге он заболел малярией и потребовал отъезда из кибуца. Моррис искренне любил Голду и хотел, чтобы у них была нормальная семья, чтобы родились дети, которых они будут воспитывать сами, а не сменяемая каждые три месяца нянька в яслях при кибуце. Весной 1924 г. они переехали в Иерусалим. Однако жизнь в качестве домашней хозяйки не удалась. Забрав шестимесячного сына Менахема, Голда вернулась в Мерхавию, но тоска по мужу заставила ее еще раз попробовать сохранить семейный очаг, о котором так мечтал Моррис.

В Иерусалиме, куда она приехала через полгода, у них родилась дочь Сара, но истовая социалистка Голда, мечтавшая о партийной и общественной деятельности, нацеленной на строительство будущего еврейского государства, вновь оказалась сильнее Голды-домохозяйки³. Случай или предназначение вернули ее в ряды активистов ишува (еврейской общины в Палестине). Встретившийся на улице знакомый поразился тому, что она отошла от дел, и немедленно порекомендовал ее на работу в профсоюз Гистадрут в женский рабочий совет. Прекрасные организаторские и ораторские способности Голды были высоко оценены. Она стала постоянно выступать на конференциях и собраниях, а ее безупречный английский язык давал возможность лучше представить позиции сионистов в Великобритании, обладавшей мандатом на Палестину.

Поездки в Лондон стали регулярными после создания в 1929 г. Еврейского Агентства, которое должно было сотрудничать с британской администрацией в Палестине в вопросах, связанных с созданием национального очага⁴. Для Голды это означало расширение ее привычной общественной деятельности. В письме к своей старшей сестре Шане, она пыталась объяснить, почему отрывавшие ее от семьи занятия столь важны и необходимы. Это не мольба о понимании, но своего рода кредо, от которого Голда Меир

³ Mann, Peggi. Golda. The Life of Israel's Prime Minister. N.Y.: Washington Square Press, 1973, pp. 57-58.

⁴ The Origins and Evolution of the Palestine Problem 1917-1988. N.Y.: UN, 1990, Part I 1917-1947. – P.86.

больше никогда не отступала. «Я прошу об одной только вещи, чтобы меня поняли и поверили мне. Моя общественная деятельность не является случайностью: она мне абсолютно необходима»⁵.

Под влиянием арабо-еврейских столкновений в Палестине, а также активизации еврейских вооруженных отрядов к концу Второй мировой войны, Великобритания, оказавшаяся не в силах контролировать обстановку, была вынуждена передать вопрос о Палестине в ООН.

Накануне создания Государства Израиль

Резолюция о разделе Палестины 181/II была принята ГА ООН 29 ноября 1947 г. В соответствии с ней предлагалось разделить Палестину на два государства еврейское, площадью 14,1 тыс. кв. км, и арабское, площадью 11,1 тыс. кв. км, а также выделить международную зону для Иерусалима. Английский мандат должен был закончиться не позднее 1 августа 1948 г. и тогда же должен завершиться вывод войск⁶. По решению ООН была создана Комиссия по Палестине для участия в ее управлении. Учитывая постоянный рост напряженности, правительство Великобритании приняло решение ускорить свою эвакуацию и перенесло ее сроки с 1 августа на 14 мая 1948 г.

Лондон все еще не был склонен рассматривать резолюцию о разделе Палестины как окончательное решение вопроса. Великобритания рассчитывала на победу арабских режимов, которые пользовались ее поддержкой и покровительством. Особое значение она придавала королю Трансиордании Абдалле ибн Хусейну. Во-первых, в королевстве находился так называемый Арабский легион во главе с английским генералом Джоном Баготтом Глаббом, который справедливо считался хорошо подготовленным и боеспособным формированием. Во-вторых, при опоре на Абдаллу Великобритания рассчитывала решить ряд стратегических задач. Так,

⁵ Mann, Peggi. Указ.соч., р. 61.

⁶ [Документы Генеральной Ассамблеи ООН.](#)

в случае эвентуального вывода английских войск из Египта, их можно было в соответствии с имевшимся с Абдаллой договором разместить в Трансиордании. Арабские государства категорически отвергли резолюцию и были готовы решить вопрос военным путем. Ишув, составлявший тогда около 600 тыс. человек, не представлялся им серьезным противником, способным оказать сопротивление.

Со своей стороны, одновременно с выработкой плана о разделе Палестины лидеры ишува, понимая, что военное столкновение с арабами неизбежно, попытались по возможности смягчить удар и исключить из общеарабского фронта Трансиорданию, имевшую собственные интересы в Палестине. Переговоры с королем Абдаллой вела глава политического отдела Еврейского Агентства Г. Меир. Это была достаточно странная встреча – король, воспитанный в бедуинских традициях, испытал шок от того, что был поставлен перед необходимостью вести переговоры с женщиной. Впрочем, он демонстрировал учтивость и смог произвести самое приятное впечатление на Голду Меир. Король спросил, почему она с таким нетерпением борется за независимое государство. Г. Меир отвечала: «Я не думаю, что 2000 лет можно воспринимать как „большую спешку“».

Предложения Еврейского Агентства выглядели весьма заманчиво. Оно в принципе не возражало, чтобы Абдалла ввел свои войска в Палестину и аннексировал ту ее часть, которая в соответствии с решением ООН будет передана арабскому государству, оставив остальное евреям для создания своего государства и фактически предотвратив широкомасштабные военные действия. Король также не стремился к столкновению с еврейскими вооруженными силами, но у него были свои соображения. Во всяком случае, он не собирался давать конкретных обещаний до принятия в ООН резолюции о разделе Палестины.

Абдалла уже во время обсуждения палестинского вопроса в ООН начал засылать свои войска в Палестину, чтобы продемонстрировать местным жителям, что только арабский легион способен стать их настоящим защитником. Верховный арабский комитет (ВАК) не желал предоставлять королю свободу рук в Палестине, а перспектива

присоединения к Трансиордании не устраивала его руководство. Свободу маневра для короля ограничивала и позиция арабских государств. Они вовсе не были заинтересованы в усилении Хашимитов и в том, чтобы они решали свои проблемы сепаратным путем, внося раскол в арабские ряды. Фактически у короля не было выбора – он должен был присоединиться к общеарабскому фронту⁷.

Еще одной и значительно более успешной миссией Г. Меир стала ее поездка в США для сбора средств на вооружение незадолго до провозглашения Государства Израиль 14 мая 1948 г. Голда Меир должна была убедить богатых и влиятельных представителей американской еврейской общины, вовсе не являвшихся сионистами, дать деньги на чужое для них дело. Это было непросто. Во главе американского сионистского движения стоял Генри Монтор, который был готов помочь, но у которого были все основания сомневаться в успехе предприятия. Однако Голда Меир, выступая перед американцами, продемонстрировала всю силу своего красноречия. Преодолев все трудности, она совершила чудо, собрав за три месяца 50 млн долл. Бен Гурион, не рассчитывавший на такой результат, позже писал: «Когда-нибудь, когда будет написана история, там обязательно будет упомянуто, что была такая еврейская женщина, которая достала деньги, сделавшие наше государство возможным»⁸.

Посланник в СССР

Руководствуясь задачей подрыва империалистических позиций, СССР был первым в мире государством, признавшим Израиль де-юре. Это произошло 18 мая 1948 г. 26 мая 1948 г. были установлены дипломатические отношения. 9 августа в Тель-Авив прибыла советская дипломатическая миссия. 17 августа посланник СССР в Израиле П.И. Ершов вручил верительные грамоты. 6 сентября в

⁷ См. подробно Демченко А.В. Палестинская проблема в политике Иордании (1947-1967). М.: Красанд, 2009. С.24-25.

⁸ Elinor Burkett. Golda. N.Y.: Harper Perennial, 2009. – P. 138.

Москве открылось израильское представительство, и посланником назначена Г. Меир.

Г. Меир вспоминала, как приветствовали ее толпы советских евреев, собравшиеся у синагоги в Москве. Для них она была символом еврейской государственности и предметом гордости за свой народ, переживший ужасы Холокоста и нашедший в себе силы для национального возрождения. Г. Меир была растрогана этим выражением симпатий к Израилю и смогла сквозь слезы сказать только одну фразу на идиш: «Спасибо, что вы остались евреями»⁹.

Обвинения в симпатиях к Израилю влекли за собой самые тяжелые последствия. Например, подобные обвинения были предъявлены жене Молотова П. Жемчужиной, у которой установились хорошие личные отношения с Голдой Меир. В своей телеграмме от 9 ноября 1948 г. генеральному директору МИД Израиля У. Эйтану Голда Меир писала об одной из таких встреч: «Продолжительная эмоциональная беседа на идиш с женой Молотова, которая хвалила наши посещения синагоги... Она разговаривала с нами как мать и сестра и заключила: “Пусть у вас все будет хорошо, и тогда хорошо будет для всех евреев”»¹⁰. П. Жемчужина была арестована в феврале 1949 г.

Голда Меир недолго пробыла в СССР. Она была отозвана в 1949 г., когда ее избрали в Кнессет от созданной в 1930 г. социалистической партии Мапай.

Путь к вершине

Следующий период в жизни Голды Меир – ее работа в правительстве. С 1949 по 1956 гг. она занимала пост министра труда. Затем, в том же году, в правительстве Бен Гуриона она становится министром иностранных дел.

⁹ Меир Г. Моя жизнь. Кн.2. – С.280.

¹⁰ Телеграмма посланника Израиля в СССР Г. Мейерсон генеральному директору МИД Израиля У. Эйтану. 9 ноября 1948 г. ISA, 130.09/2325/4. Советско-израильские отношения 1941-1953, т.1, кн.1 – С. 426.

С Бен Гурионом Голду Меир связывали долгие годы непростых отношений. Он, безусловно, ценил ее, но, обладая авторитарными наклонностями, очень не любил, чтобы ему противоречили и вступали в конфликт с его ставленниками. Среди них был Шимон Перес, с которым у Г. Меир сложились весьма натянутые отношения. На посту генерального директора министерства обороны он занимался не только закупками оружия, но и фактически нес ответственность за формирование израильской внешней политики в отношении ряда западных государств. Привыкший к самостоятельности в этих вопросах, Ш. Перес не всегда консультировался с Г. Меир, что не могло ее не раздражать. Более серьезные противоречия существовали между ними в плане выбора израильской внешнеполитической ориентации. Ш. Перес возлагал особые надежды на европейские державы, а Г. Меир считала, что будущее Израиля связано с Соединенными Штатами. Разногласия между ними отражали не только различное видение внешнеполитических приоритетов, но и скрытое продолжение противостояния между «старой гвардией» и молодыми технократами, которое стало впоследствии одной из причин отставки Бен Гуриона.

Авторитарный стиль премьер-министра, опора на молодых активистов – Шимона Переса, Моше Даяна, способных потеснить отцов-основателей, тревожили старую гвардию Мапай. Мощная группировка в партии включала Голду Меир, Пинхаса Спира, Залмана Арана и Ревена Барката. Леви Эшкол (будущий премьер Израиля) симпатизировал им, но сохранял тесные связи с Бен Гурионом¹¹.

В 1964-1965 гг. ветераны партии сконцентрировались на расширении своих политических альянсов. Это объяснялось как стремлением укрепить позиции в противостоянии внутри партии, так и предвыборными соображениями. Объединение правых партий и укрепление их позиций требовали от Мапай поиска союзников на левом фланге. Таким естественным союзником была партия Ахдут

¹¹ Zaki Shalom. Ben-Gurion's Political Struggles. A Lion in Winter. N.Y.:Routledge, 2006. – P.16.

Хаавода. Ее основали раскольники из Мапай, вышедшие из партии в 1946 г. С тех пор Ахдут Хаавода существовала самостоятельно. Во главе нее стояли молодые генералы запаса Игаль Аллон и Исраэль Галили.

В декабре 1964 г. посол СССР в Израиле Д.С. Чувахин, анализируя сложившуюся в стране обстановку, писал: «Нынешняя политическая обстановка в Израиле характеризуется серьезным обострением межпартийной и внутрипартийной борьбы в правящей партии Мапай и в правительстве... Стремясь укрепить свое влияние в стране и партии, сторонники Эшкола ведут переговоры об объединении с левой рабочей сионистской партией Ахдут-Хаавода, которая в свое время входила в партию Мапай... Для начала Эшкол и его группа предложили партии Ахдут-Хаавода, в которой имеются противники полного слияния с Мапай, создать предвыборный блок двух партий, который предусматривал бы единые списки на выборах в парламент и органы профсоюзов, а также приемлемую для обеих сторон единую предвыборную платформу. В результате переговоров, длившихся в течение последних месяцев, группа Эшкола в принципе договорилась с руководством Ахдут-Хаавода о создании такого предвыборного блока двух партий»¹².

Чтобы добиться объединения, Мапай согласилась на уступки по электоральной реформе, отказалась от идеи выборов по округам и оставила выборы по партийным спискам. Выборы по округам могли бы подорвать позиции небольших социалистических партий, в том числе и Ахдут Хаавода. Ее лидеры были даже более идеологизированы, чем старая гвардия Мапай, и представляли собой естественных оппонентов группе «молодых» – М. Даяну, Ш. Пересу, А. Эбану и Й. Альмоги, – презиравших социалистическое теоретизирование. Бен Гурион открыто начал кампанию против Л. Эшкола, против объединения с Ахдут Хаавода и отказа от избирательной реформы.

¹² Записка посла СССР в Израиле Д.С. Чувахина министру иностранных дел СССР А.А. Громыко. 13 декабря 1964 г. Секретно. АВП РФ.Ф.089.Оп.17.П.33.Д.1.Л.37-45. Ближневосточный конфликт 1957-1967. Т. 2, № 201. – С. 447.

В феврале 1965 г. на ежегодной конференции в Тель-Авиве руководство Мапай и Гистадрута выступило против Бен Гуриона и его сторонников. Главную роль в поражении Бен Гуриона сыграла его верный союзник Голда Меир. Она не могла перенести мысль о том, что Бен Гурион, исходя из собственных амбиций и представлений, крушит собственную партию. Она возглавила оппозицию и обеспечила поддержку Л. Эшколу¹³.

В 1966 г. Голда Меир ушла с поста министра иностранных дел, однако ее ждал новый карьерный взлет.

Испытание войной

В январе 1968 г. была создана Партия труда на основе объединения партий Рафи, Мапай и Ахдут Хаавода. Генеральным секретарем партии стала Голда Меир. Она же стала преемницей премьер-министра Эскола, который умер 26 февраля 1969 г. 28 октября 1969 г. в Израиле прошли выборы. Незадолго до них Партия труда и Мапам объединились в блок Маарах.

На выборах, как и ожидалось, Маарах набрал подавляющее большинство голосов, обеспечив себе 56 мест в Кнессете. Гахал получил 26 мест, Национально-религиозная партия – 12 и Независимые либералы – 4. После выборов Г. Меир сформировала правительство национального единства, похожее на то, что было при Л. Эшколе. Все это означало укрепление лейбористов, продолжавших доминировать на израильской политической арене, и гарантировало их достаточно долгое в перспективе пребывание у власти.

Анвар Садат, стремившийся выйти из конфликта и обеспечить развитие Египта при переориентации на США, готовил военную операцию, без которой он не смог бы поколебать бескомпромиссную израильскую позицию. Он не скрывал своих намерений и неоднократно говорил, что готов к решительным акциям, но в Израиле большого значения его заявлениям не придавали, считая,

¹³ Burkett E. Golda. N.Y.: Harper Perennial, 2009. – P. 214-215.

что египетский президент блефует и не решится форсировать Суэцкий канал.

Понимая, что в одиночку начинать войну нельзя и для того, чтобы сковать израильскую армию на двух фронтах, в марте 1973 г. А. Садат обратился к сирийскому президенту Хафезу Асаду, армия которого также была оснащена советским оружием и строилась с помощью советских советников и инструкторов. Сирийцы охотно согласились принять участие в военной кампании.

Военные задачи, поставленные перед египетской армией, были ограничены – взятие линии Барлева и ведение военных действий в зоне, прикрываемой ракетными установками. Выходить за ее пределы и идти вглубь Синая не предполагалось, поскольку египетское командование, не рассчитывая на свои ВВС, не рискнуло оставить пехоту без прикрытия.

Военное командование и разведка Израиля, практически имея все данные о концентрации египетских войск вдоль канала и об аналогичных действиях Сирии, подтянувшей танковые войска и артиллерию к Голанским высотам, продолжало трактовать их исключительно как оборонительные меры. Израильтяне были уверены, что без превосходства в воздухе наступательные действия невозможны, а тяжелых бомбардировщиков у арабов не будет еще много лет. Более того, они исходили из собственного понимания целей военных действий – для Израиля вступление в войну всегда означало битву за победу и, соответственно, в отсутствии потенциала для разгрома противника о военных действиях нечего было и думать. С теми же мерками к военным приготовлениям Египта подошли израильские генералы, даже начальник военной разведки А. Зейра. Выступая 6 октября на заседании кухонного кабинета Г. Меир, он заявил: «Мы знаем, что произойдет. Они [египтяне и сирийцы] находятся в полной боевой готовности и могут выступить в любую минуту. Положение передовых линий подходит и для нападения, и для защиты. Сейчас есть признаки того, что они готовятся к нападению... По тем планам, что нам известны, они готовы выступить. Все готово, но, несмотря на то, что они все подготовили, по моему мнению, они знают, что проиграют. Сегодня Садат не в том

положении, чтобы вести войну. Все готово, но нет необходимости в войне. И он знает, что положение не улучшится»¹⁴. Судя по всему, военная разведка не смогла просчитать планов Садата, который стремился лишь разморозить конфликт и доказать Израилю, что «положение ни войны, ни мира» больше не является стабильным.

Со своей стороны, египетские лидеры пытались отвести подозрения. Газеты писали о том, что египетские офицеры готовятся совершить хадж в Мекку. 5 сентября министры иностранных дел арабских государств обсуждали с Киссинджером в ООН возможность новых мирных инициатив. На 8 октября был назначен визит министра иностранных дел Румынии в Каир.

Израильские лидеры, полагавшие, что ничего серьезного не происходит, посвятили заседание кабинета министров 3 октября 1973 г. обсуждению проблемы закрытия канцлером Австрии транзитного пункта для советских евреев недалеко от Вены. До официального заседания Г. Меир провела встречу своего «кухонного» кабинета. Не будучи сведущей в военных вопросах, она всегда полагалась на мнение профессионалов – Даяна, Аллона, Галили. Генералы заверили премьер-министра, что военное наступление арабов не грозит. Только 5 октября были приняты некоторые военные меры. Так, командующий ВВС приказал пилотам оставаться на своих местах, а командующий танковыми войсками в Синае не отпустил своих подчиненных в отпуск на Йом Киппур.

6 октября в 4 часа утра начальнику разведки доложили, что по полученным данным наступление египтян и сирийцев начнется в 18.00. Разведка ошиблась на четыре часа, сыгравших роковую роль для Израиля. Меры, принятые в оставшиеся часы были либо неадекватны сложившейся угрозе, либо безнадежно опоздали. В 5 часов утра на заседании в министерстве обороны Д.Элазар потребовал немедленной всеобщей мобилизации и нанесения превентивного удара ВВС. Министр обороны выступил против.

¹⁴ Сов. Секретно. В 4-х экз. Протокол совещания у премьер-министра от 6.10.73, 08.05 утра. Записано Эли Мизрахи. (перевод с иврита К. Коржовой) // URL: http://my.ynet.co.il/pic/news/yk_6_10_08_05.pdf

В 8 утра Г. Меир собрала свой «кухонный» кабинет. Главные вопросы – мобилизация и превентивный удар. Элазар не изменил своего мнения: «Превентивный удар. Понятно, что это грандиозное преимущество. Превентивный удар сэкономит много жизней. Мы начнем войну с целью удержать свои позиции и лишь потом приступим к атаке. Это будет серьезная война. Оперативность. Сегодня в 12.00 мы можем полностью уничтожить сирийские воздушные силы. После этого нам понадобится еще 30 часов на уничтожение всех ракет. Если они планируют атаковать в пять (17.00), до этого момента воздушные силы смогут свободно действовать против сирийской армии. Это то, что мы можем сделать. Мне такой план очень импонирует. Мы не обязаны решать это прямо сейчас, у нас есть четыре часа, чтобы посоветоваться с американцами. Возможно, они придут к тому же заключению, что и мы: арабы нападут сегодня вечером. Возможно, еще до полудня американцы решат, что атака арабов неизбежна, и тогда, может быть, мы сможем нанести превентивный удар»¹⁵. Г. Меир и Даян, гораздо больше, чем начальник генштаба, озабоченные возможной международной реакцией, отклонили это предложение.

Не меньше споров вызвал вопрос о мобилизации резервистов. Элазар требовал провести полную мобилизацию резервистов. Даян вновь выступил с возражениями: «Я обязан сказать американцам о мобилизации резервистов. По моей оценке, если мы мобилизуем полностью военно-воздушные войска плюс 2 дивизии до 17.00 – этого вполне достаточно. Если к вечеру ситуация ухудшится, продолжим мобилизацию. Я не сомневаюсь, что Израиль начнет бомбить, и дороги будут заблокированы. Но я верю, что мы сможем продолжить мобилизацию и завтра. Сейчас все не так, как в 1967 г. Война начнется на Суэце и на Голанах. Важно, чтобы не сказали, что это мы ее развязали. Элазар продолжал настаивать: Всего мобилизуем 100-120 тысяч человек.

Даян: Я не поменял своего мнения.

¹⁵ Сов. Секретно. В 4-х экз. Протокол совещания у премьер-министра от 6.10.73.

Меир: Каково твое число?

Даян: Меньше половины. Что мы должны делать в этой ситуации? Конечно, лучше всего, если мы проведем максимальную мобилизацию. Я понимаю, что мы не откроем огонь. Вопрос в том, что нам делать сегодня утром. Удвоить регулярную армию, а к вечеру посмотрим. Но объявить в стране полную мобилизацию, когда мы так уязвимы, что изнутри, что снаружи? Надо ли нам создавать военное настроение и т.д.? Думаю, в течение 24 часов мы продержимся, сначала нам будет тяжело, но с международной точки зрения мы все сделаем правильно. Сегодня главное мобилизовать воздушные войска. Это самое основное»¹⁶. В конечном итоге Меир согласилась с Элазаром, решив, что никто не сможет точно просчитать, сколько резерва мобилизовали, а положение Израиля это улучшит.

Меир связалась с Вашингтоном и говорила с Киссинджером. Тот обещал направить срочные письма Садату и Асаду и порекомендовал воздержаться от нанесения превентивного удара. Израилю не оставалось ничего иного, как принять первый удар противника и полагаться на глубинную оборону. В армию было призвано 100 тысяч резервистов, но прошло 24 часа прежде, чем все они добрались до своих частей. Как известно, октябрьская война 1973 года стала для Израиля тяжелейшим испытанием.

После войны под давлением общественности, требовавшей найти виновных за военные неудачи и дезорганизацию на начальных этапах вооруженных действий, 18 ноября 1973 г. правительство создает комиссию во главе с Верховным судьей Агранатом. В ее задачу входило расследование событий, приведших к войне, в частности, процесс анализа информации относительно намерений противника, и решений, принятых на его основе военными и гражданскими органами, а также степень готовности армии и компетентность действий военного командования в первые дни войны.

¹⁶ Сов. Секретно. В 4-х экз. Протокол совещания у премьер-министра от 6.10.73, 08.05 утра.

1 апреля 1974 г. промежуточный отчет был готов. В нем говорилось о том, что главная проблема состояла в неверной оценке поступившей разведывательной информации, и что ни премьер-министр Голда Меир, ни министр обороны Моше Даян не несут прямой ответственности за неготовность Израиля к войне. В отчете отмечалось отсутствие мобилизации в нужные сроки, неспособность военного командования быстро и эффективно ввести в бой танковые войска. Комиссия рекомендовала отправить в отставку начальника генерального штаба генерал-лейтенанта Давида Элазара, а также начальника военной разведки генерал-майора Элиаху Зейра, его заместителей и командующего южным фронтом генерала Гонена, не сумевшего заранее выдвинуть танки на Синай.

Полный текст отчета появился спустя много лет. Главный упор в нем был сделан на концептуальной стороне военно-политического планирования, которая так и называлась «Концепция». В ее основе лежало представление о том, что, не имея превосходства в воздухе, Египет и Сирия не смогут начать войну. Хотя разведанные противоречили «Концепции», предпочтение при их оценке было отдано именно ей. Вот почему разведка сделала катастрофический вывод о «крайне низкой» возможности военных действий¹⁷.

2 апреля 1974 г. промежуточный отчет комиссии был передан в правительство. Даян стал объектом прямой критики, поскольку, несмотря на выводы комиссии Аграната, он как министр обороны несет ответственность за предшествовавшие войне события и за ее начальный этап. Правый блок Ликуд потребовал созыва чрезвычайной сессии Кнессета, чтобы вынести вотум недоверия правительству. Тем временем обострились отношения между представителями различных фракций в блоке Маарах. Сторонники Даяна требовали отставки заместителя премьер-министра Аллона и министра без портфеля Галили (Ахдут Хаавода). Не дожидаясь чрезвычайной сессии парламента и пытаясь предотвратить раскол в собственном блоке, премьер-министр Голда Меир подала прошение

¹⁷ Lahav P. Judgement in Jerusalem. Chief Justice Simon Agranat and the Zionist Century. Berkeley-Los Angeles-Oxford: University of California Press, 1997. – P. 227-237.

об отставке. Это означало падение кабинета министров и формирование нового, хотя некоторое время Меир еще возглавляла переходное правительство.

Голда Меир не снимала с себя ответственности за начальный период войны. Она всегда винила себя за то, что Израиль оказался застигнутым врасплох и в силу многих обстоятельств был вынужден принять первый удар. Она добровольно завершила свою яркую политическую карьеру.

Меир осталась удивительным примером того, как в обществе, где были всегда сильны религиозные представления и традиционные нормы, женщина может выйти за отведенные ей рамки хранительницы домашнего очага. Выйти, сохранив внутреннюю целостность, чувство долга и предназначения. Насколько избранная ею судьба сделала ее счастливой, судить не нам.

Голда Меир скончалась 8 декабря 1978 г., и была похоронена в Иерусалиме.

Над проектом работали: Дарья Хаспекова, Мария Смекалова, Ирина Сорокина, Николай Мухин, Роман Майка, Алиса Замуруева, Александр Тесля и Дмитрий Пуминов

© 2016 Российский совет по международным делам, russiancouncil.ru